

— Полководцу крайне важно знать рельефы местности. Увидев издалека след противника, можно устроить ловушку в долине. Если место узкое и извилистое, то там как нельзя кстати можно подготовить засаду... — Голос, что неспешно преподавал урок, раздаваясь в карликовой бамбуковой роще, внезапно умолк. Жун Тянь обернулся и, посмотрев на рассеянного [1] ученика, мягко спросил: — О чём задумался?

Мужчина дважды позвал, выдающиеся брови Фэн Мина внезапно слегка расслабились, а сам юноша, словно что-то почувствовав, задрал голову:

— Ах, я слушаю. Твои слова про рельефы местности я в общих чертах понял. На днях как раз выдалось подходящее время, и я изучал древние письма. Двигая войска, чтобы начать войну, нужно захватить выгодную местность. — Юноша приподнял половину свистка, который лежал на каменном столе. — Продолжайте, учитель.

— О чём ты только что думал?

— Ни о чём.

Толстый свиток был легко выхвачен рукой, привыкшей держать меч, и небрежно отброшен в сторону. Жун Тянь наклонился ближе:

— Не хочешь мне говорить?

Почему в бездонных глазах не мелькал коварный блеск, что каждый раз озарял взор? Фэн Мин почти расстроенным взглядом окинул мужчину и, усевшись прямо на каменной лавке, вытянул руки и крепко обнял сильный стан стоящего перед ним Жун Тяня. Пребывая в глубоком раздумье, юноша вздохнул:

— Я действительно не хочу становиться твоей проблемой.

— Если ты что-то от меня скрываешь, то тогда это действительно можно считать моей огромной проблемой, — серьёзным тоном проговорил мужчина. Губы, с которых срывались слова, очень нечестно прижались к обнажённой и белой, словно жемчуг, шее, проводя по ней влажным языком.

Чувственный вздох сорвался с губ, а электрический ток прошёлся от горла до конца позвоночника, отчего Фэн Мин не сдержался и внезапно затрепетал. Из-за неожиданности и не жалуясь на проделки Жун Тяня, юноша ещё крепче обнял мужчину. Глубоко вдыхая горячее, принадлежащее Жун Тяню дыхание, Фэн Мин тихо проговорил:

— Когда ты говорил про рельефы местности, я внезапно вспомнил про болото. Буйными зарослями травы иногда можно спрятать ужасное болото, и с виду оно будет закрыто зелёной травой, а вокруг сплошь спокойствие, однако если сделать широкий шаг, можно навечно

увязнуть там. Говорят, что чем больше человек, попавший в болото, барахтается, тем глубже вязнет в нём.

Тёплые губы Жун Тяня изогнулись в улыбке:

— Тебя это беспокоило? Неужели я не угадал твои мысли?

Фэн Мин обнажил улыбку, которая говорила «от тебя ничего не скроешь».

— Невесть отчего, но в последнее время мне кажется, что я вязну в болоте всё глубже и глубже.

— У Вас, князь, как у человека, занимающего высокую должность, также есть множество душевных ран, хочешь того или нет. В этом мире есть много вещей, которые на самом деле загоняют в безвыходное положение и ставят перед дилеммой. — Жун Тянь поднял красивое лицо юноши и, пристально глядя в привычно-живые чёрные глаза, проговорил: — Ты встречался с Лу Данем?

Фэн Мин безмолвно кивнул и удручённо сказал:

— Он уже два дня ничего не ест. — При их встрече Лу Дань выглядел как обычно, лишь лицо было немного бледнее, чем раньше, а сам мужчина по-прежнему держался изящно, свободно и превосходно. Однако Фэн Мин понимал, что господин советник лучше умрёт в Силэй, чем отдаст небесно-земное кольцо.

Впав в раздумья, Жун Тянь потянул юношу, медленно возвращаясь во дворец, но, преодолев половину пути, мужчина вновь разомкнул губы и спросил:

— О чём он с тобой говорил?

Фэн Мин нахмурился:

— Он совершенно ни на что не сетовал, лишь перекинулся со мной парой фраз.

— Э? А что именно сказал?

— Он сказал... любовь — самая непонятная и таинственная вещь на земле. — Фэн Мин вспомнил, как Лу Дань, глядя на небо, беззаботно с лёгкостью вздохнул. Стиснув зубы, князь «выплюнул» в сердцах: — Ты, держа Лу Даня как заложника, хочешь потребовать небесно-земное кольцо, только навряд ли этот фокус увенчается успехом. По-видимому, ради Дунфань он даже свою жизнь не принимает во внимание. — И юноша невольно украдкой посмотрел на лицо императора Силэй.

Жун Тянь покачал головой:

— Не ради Дунфань, а ради императора Дунфань.

Шаги Фэн Мина слегка замедлились, а сам юноша вспомнил про красную нить, что была у него за пазухой, и спустя долгое время пробормотал:

— С какой стати такому уникальному человеку необходимо жертвовать жизнью?

Жун Тянь, остановившись, обернулся и приблизился:

— Без небесно-земного кольца нельзя тебе гарантировать защиту от злых чар. Неужели ты хочешь быть навечно запертым во дворце наследного принца?

— Держа в заключении Лу Даня, ты неоспоримо получишь небесно-земное кольцо? На вид Лу Дань кажется хрупким, однако если по чистой случайности он твёрдо решит покончить жизнь самоубийством, нам не только не удастся заполучить небесно-земное кольцо, но ещё обзаведёмся могущественным врагом в лице Дунфань.

— Ты хочешь освободить Лу Даня?

Фэн Мин глубоко вздохнул и, понизив тон, проговорил:

— Послушай меня, не стоит шантажировать такого человека, как Лу Дань. Он не допустит, чтобы из-за его собственного поражения Дунфань лишился своего сокровища, и перед тем, как мы обменяем его на небесно-земное кольцо, господин советник может покончить с собой.

— Ну и что? — Жун Тянь, оставаясь равнодушным, холодно фыркнул.

— Ну и что?! — с изумлением повторил Фэн Мин. — Великий император Силэй, сейчас ты бесцеремонно жертвуешь таким человеком, как Лу Дань, который является самым красивым мужчиной в Поднебесной, а также императорским советником и возлюбленным императора Дунфань. Его положение в Дунфань равносильно моему положению в Силэй. И ты всё это планируешь ради кольца, которое, неизвестно, защитит ли меня от злых чар или нет, и не доберутся ли до меня враги. Опасно вынуждать Лу Даня совершить самоубийство, ведь это может дойти до того, что ты не побрезгуешь и начнёшь воевать с Дунфань.

Жун Тянь угрожающе поднял широкую бровь:

— В Поднебесной нет второго князя Мина. Ты хочешь выпустить пойманного мной Лу Даня из Дунфань, которого с трудом и обманом пришлось заманить в Силэй, чтобы защитить тебя?

Внезапно юноша остановился и, уставившись на Жун Тяня, спустя долгое время легко вздохнул:

— Я ничего по этому поводу не скажу. Я... я знаю, что ты делаешь это ради моего блага.

Длинные горячие пальцы подняли опущенное вниз лицо, а понимающий взгляд чёрных глаз мужчины заставил Фэн Мина вздрогнуть:

— Ради тебя я готов уничтожить императоров одиннадцати государств, не говоря уже о Лу Дане. Как ты отнесёшься к этому?

Сердце сильно забило в груди, а взгляд юноши стал настолько размытым, что всё слилось в сплошной белый цвет, не позволяя увидеть небо и землю.

— Знаешь, почему я хочу освободить Лу Даня? — В лучах заката не удержавшись и крепко обняв Жун Тяня, Фэн Мин вдохнул его успокаивающий запах и, понизив тон, проговорил: — Если однажды я попаду в руки противника и они, используя меня, станут вынуждать тебя отдать им Силэй, тогда я, несомненно, поступлю также, как Лу Дань...

— Замолчи! — со злобой перебил Жун Тянь юношу, и хмурое настроение тонкой лозой расползлось до самого дворца.

Высокое тело застыло, позволяя Фэн Мину услышать над головой тяжёлое дыхание.

— Я впервые умоляю тебя. Оставив всё остальное в стороне, на этот раз я умоляю от лица двух влюблённых. Ведь если однажды со мной случится нечто подобное...

— Замолчи! Замолчи! Замолчи! — раздался тихий рык над головой, руки обвили тонкую талию юноши, заставляя Фэн Мина почти затаить дыхание, и всегда спокойное лицо Жун Тяня наконец-то изменилось.

После тишины, которая словно заставила время остановиться, тяжёлое дыхание наконец-то постепенно стихло, и Жун Тянь, понизив тон, спросил:

— А с тобой что делать?

— Как что делать? Результат совершенно не изменится. Невзирая на жизнь или смерть, Лу Дань всё равно не позволит нам получить небесно-земное кольцо. — На губах юноши появилась безмятежная улыбка, а сам Фэн Мин поднял голову и посмотрел на Жун Тяня: — Ничего страшного, по крайней мере я могу покорно сидеть во дворце наследного принца, не причиняя тебе беспокойства.

— Правда отступишься?

— Угу.

— Тогда... — Жун Тянь долгое время смотрел на ещё более красивого и возвышенного возлюбленного, который купался в лучах заходящего солнца. После чего тонкие губы мужчины неожиданно изогнулись в удивительной улыбке: — И как же князь Мин собирается отблагодарить меня, жалкого человека, потратившего столько много мыслей?

Фэн Мин, остолбенев, лишь быстро захлопал густыми ресницами.

— Ты, не имеющий ни капли романтики развратник...

На следующий день, когда солнце было в зените, большую часть охраны, которая следила за временной резиденцией Лу Даня, отозвали. А сам мужчина получил лично подписанное императором Силэй свидетельство, чтобы покинуть страну.

В строго охраняемом дворце наследного принца Фэн Мин, пребывая в отличном расположении духа, поймал только что вернувшегося Жун Ху, который шёл доложить об исполнении приказа.

— Получив разрешение покинуть страну, как господин советник отреагировал?

— Люди, сопровождающие Лу Даня, застыли в удивлении, а потом обрадовались так, словно умалишённые. Ха, они правда посчитали, что на этот раз их маленькие жизни не пощадят и что наш император крайне редко отступает от желаемого. — Однако на лице Жун Ху показалась шелковинка непонимания: — Лу Дань всё же вёл себя как обычно, только церемонно принял свидетельство и приказал мне от его имени поблагодарить государя, однако выражение лица у него было безразличным, словно так и должно было быть.

Услышав слова Жун Ху, Фэн Мин с надеждой проговорил:

— Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он уже на границе Дунфань. Увы, Жун Тянь запретил мне встречаться с ним, сказал, что я могу потерять голову от его красоты. Оказывается, Жун Тянь такой ревнивый, причём ревность его необоснованна. — На лице князя появилось сожаление.

Если бы юноша не испытывал угрызения совести по отношению к мужчине, то он бы наверняка сказал, что хочет увидеться с Лу Данем, ведь встретиться с таким непревзойдённым человеком поистине необычно.

Фэн Мин всё ещё лелеял лучик надежды:

— Перед отъездом, когда Лу Дань нанесёт Жун Тяню прощальный визит, то ему также следует прийти и ко мне, чтобы попрощаться.

На что Жун Ху сказал без утайки:

— Небесно-земное кольцо не попало в руки государя, потому если Его Величество увидит господина советника, то тотчас же разозлится. К тому же государь приказал мне передать господину советнику, что не стоит наносить прощальный визит, лучше пусть поскорее собирается и уезжает, иначе государь может передумать.

От услышанного юноша опустил плечи, но, внезапно выпрямившись во весь рост, проговорил:

— Его красная нить всё ещё у меня, а без этой драгоценности он ни за что не вернётся в Дунфань. Пусть он не попрощается с Жун Тянем, но ему необходимо будет отыскать меня.

— Эта красная нить, если случится беда, будет предназначена императору Дунфань, чтобы тот хранил её, как память. Однако все живы, к чему теперь эта порванная нить? Ох, ты всё же испытываешь интерес к Лу Даню, — донёсся сзади до боли знакомый и хмурый голос.

Фэн Мин гневно посмотрел на стоящего в стороне Жун Ху за то, что тот не дал понять, что сзади находится Жун Тянь. Телохранитель же, в свою очередь, в недоумении уставился на юношу и, обратившись к Жун Тяню, поприветствовал его:

— Без приказа государя Жун Ху уже удаляется. — Неожиданно научившись хитрости у Цю Лань и девушек, юноша ускользнул прочь.

Тихо поругав Цю Лань за то, что она дурно повлияла на «мужа», Фэн Мину пришлось обернуться и светло улыбнуться мрачному императору Силэй:

— Я к тебе испытываю огромный интерес, только ты постоянно находишься во дворце и мы всегда можем видеться, в отличие от Лу Даня, который скоро уедет, и тогда увидеться с ним будет очень трудно. Лу Дань по характеру совсем неплох, и я хочу с ним подружиться.

Жун Тянь свирепо фыркнул и, не проявляя ни малейшей заинтересованности и испытывая ревность, схватил Фэн Мина за запястье:

— Этот император сегодня хочет научить тебя системе налогообложения страны Тун.

— Опять учиться?

— Тогда не учись. — Спешно изменив позицию и словно коварством добившись успеха, Жун Тянь сменил направление и, не выпуская юношу из рук, зашагал в сторону спальни: — Идём,

повторим недавнее обещание князя Мина.

— Опять? — вскрикнул Фэн Мин, стараясь замедлить шаг. — Я, князь Мин, вчера ночью уже исполнил обещание, тебе нельзя...

— Что значит «исполнил»? В самом разгаре нашей ночи ты громко закричал, останавливая меня, и если бы не твой умоляющий вид, который и впрямь вызывал жалость, я ни в коем разе не выпустил бы тебя из постели.

Юноша отчаянно посмотрел на двери спальни, которые Жун Тянь запер на замок, и с несчастным видом спросил:

— Разве государю сегодня не нужно идти и заниматься государственными делами?

— Изначально я был готов встретиться с многочисленной армией Дунфань, но ты уже помог мне, выпустив их советника.

Навалившееся на юношу крепкое мужское тело не дало и шанса на сопротивление. Возбуждённый член всё больше тёрся о скрытую под одеждой плоть князя, заставляя Фэн Мина начать тихо жаловаться.

— Я ещё болен, руки и ноги ослабли, необходимо позвать придворного лекаря...

— Имей совесть, подожди, пока Лу Дань нанесёт прощальный визит...

Но, кажется, от судьбы не уйти.

— Тогда... не кусай меня... там...

— Ты тоже кусал мою шею, — ответил Жун Тянь как само собой разумеющееся.

— К чему сравнивать укусы там и укусы на шее, ведь, конечно же, более... чувствительное то место... — Фэн Мин чуть не прикусил язык.

Что это за диалог между князем и императором?

— Что сложного в том, чтобы кусать не чувствительные места?

Фэн Мин разозлился:

— Так или иначе, кусаться нельзя. Ещё не нужно использовать вчерашнюю позу.

— В той позе проникновение было очень глубоким. — По лицу Жун Тяня было видно, что император не потерпит дерзких советов: — В противном случае ты что, вновь начнёшь молить о пощаде?

В конце концов юноша понял, что эти постыдные слова полностью соответствуют тому, кто их говорит.

Покувыркнувшись в постели [2] до наступления ночи, Жун Тянь заключил в объятия дрожащее и обмякшее тело Фэн Мина, который тотчас же заснул. У Цю Син и Цю Юэ уже заранее были готовы сухая чистая одежда и купальня, где витал запах зажжённых благовоний. Цю Син шёпотом проговорила:

— Докладываю государю: купальня уже готова.

Цю Юэ, в свою очередь вытянув шею и посмотрев на Фэн Мина, также шёпотом задала вопрос:

— Ужин тоже уже готов, но князь Мин, кажется, заснул. Может, тогда Цю Лань подождёт, когда он проснётся, и снова приготовит ему еду?

— Кто сказал, что я заснул? — раздался сонный голос.

— Оказывается, князь Мин не спал. — Цю Син спросила: — Тогда после купальни сразу подать ужин?

Будучи стиснутым в объятиях, юноша с трудом открыл глаза, а почувствовав боль в пояснице, которая отличалась от той, что была раньше, Фэн Мин только и мог что зло посмотреть на Жун Тяня:

— Не буду есть, аппетит пропал. — Кто изобрёл такие бесстыдно распутные позы, после которых юноша чувствовал себя настолько разбитым, что даже палочки для еды держать был не в силах?

Жун Тянь, словно одержимый злым духом, поцеловал его ресницы.

— После купальни этот император лично покормит князя Мина.

— Не буду есть. — Человека, которого подвергли жёсткому сексу, нельзя подкупить едой.

Неужели Жун Тянь действительно стал таким ревнивым и несдержанным только из-за того,

что Лу Дань красивее его? Исходя из того, что сегодня он подвергся жёсткому сексу, Фэн Мин понял, его предположения по большей части верны.

Ревнивый мужчина очень страшен, а его необузданная страсть настолько пугает, что хочется сбежать.

— Нельзя голодать. Если не поешь, то и сил не будет, а если не будет сил... то как тогда князь Мин сегодня ночью испытает вместе с этим императором три оставшиеся позы?

— Что? Ты третируешь этого князя, — захохотал Фэн Мин, выражая протест, и небрежно отбросил тонкое одеяло, что укрывало его тело, обнажая белую нежную голень, усыпанную развратными следами.

Цю Юэ и Цю Син покраснели и, обоюдно высунув языки, состроили рожицы. Прочитав мысли друг друга, девушки спешно посторонились и в один голос произнесли:

— Просим государя и князя Мина принять ванну.

Как только мужчины помылись и покинули купальню, на пороге появилась Цай Цин, которая, войдя в комнату, сразу спросила:

— Князь Мин уже вышел? Этот советник Дунфань и впрямь странный, вместе со свитой уже вышел из ворот императорского дворца, но на полпути, невесть отчего, резко повернулся, вернулся обратно и сказал Жун Ху, что хочет встретиться с князем Мином по очень важному делу. Старшая сестра Цю Лань вызвалась лично доложить князю Мину, однако посмотрев и не увидев князя Мина... — Смело подняв голову и заметив, что мрачный силуэт, который был окутан тусклым светом, на самом деле Жун Тянь, девушка вскрикнула от испуга и, спешно опустившись на колени, проговорила: — Цай Цин приветствует императора. — Служанка ясно увидела, как Жун Тянь держит в объятиях Фэн Мина, скрывающего обнажённое тело тонким покрывалом. Так как девушка недавно начала прислуживать князю, то, впервые наблюдая такую шокирующую картину, внезапно зарделась, склонила голову и отступила.

— Иди и скажи Жун Ху, чтобы приказал Лу Даню уезжать как можно скорее, у князя Мина нет времени встречаться с ним.

— Я хочу встретиться с ним, — слабо запротестовал Фэн Мин.

— Разве это лицо несколько не красиво? — Действительно, это были ревность и зависть из-за того, что нельзя было сравниться с гордым и изящным Лу Данем.

Если бы не жёсткий секс, Фэн Мин наверняка бы рассмеялся над этой редкой мелочностью Жун Тяня.

— Позволь мне увидеться с ним.

— Ни за что. Хочешь насладиться красотой, лучше взгляни на меня.

— Ну позволь мне увидеться с ним.

Но мужчина ничего не ответил.

Состроив скорбный и жалостливый вид, какой до этого применяла принцесса Мяо Гуан, юноша хотел снискать чрезмерную любовь Жун Тяня.

— Но ты ведь выдающийся император Силэй, в конце концов, к чему ревновать к уезжающему человеку?

— Тогда... как князь Мин оплатит императору за проявленное великодушие?

Являясь государем, разве можно быть таким наглым?

Вновь мучительно пообещав подарить Жун Тяню ночь страсти, Фэн Мину наконец-то было позволено встретиться с Лу Данем.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «сердце (внимание) находится не здесь», обр.: отсутствующий (мыслями), рассеянный, невнимательный, поглощённый своими мыслями.

[2] В оригинале используется жаргонная фраза «жарить, трахать по-всякому».

<http://bllate.org/book/13377/1190123>